

4-й ЯРОСЛАВСКИЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР: ОБЪЯСНЕНИЕ В ПСИХОЛОГИИ

20–22 апреля в Ярославле состоялся 4-й Ярославский методологический семинар. Ярославский методологический семинар является ежегодным мероприятием, проводимым с 2003 г. и посвященным методологическим проблемам психологии. На первом семинаре была рассмотрена тема «Методология психологии», на втором – «Предмет психологии» (2004 г.), на третьем – «Метод психологии» (2005 г.), в этом году обсуждалась тема «Объяснение в психологии». После каждого семинара издаются «Труды Ярославского методологического семинара». На настоящий момент изданы три тома. Основными организаторами Ярославского методологического семинара являются Международная академия психологических наук (г. Ярославль), Ярославский государственный университет, Ярославский государственный педагогический университет и другие организации. В 4-м семинаре приняли участие специалисты из различных регионов России и ближнего зарубежья.

Доктор психологических наук **А.В. Юревич** (Москва, ИП РАН) выступил с докладом «Апология редукционизма», в котором отметил, что проблема объяснения имеет первостепенное значение для любой науки, ибо объяснение – одна из ее главных функций. Для психологической науки она обладает особой значимостью, поскольку не решенный до сих пор вопрос о том, каким должно быть психологическое объяснение, эквивалентен ее ключевому методологическому выбору. В связи с особенностями психологического объяснения возникает про-

блема редукционизма. Хотя редукционизм подвергался, и вполне справедливо, критике многими классиками психологической науки. Надо иметь в виду, что у редукционизма имеется необходимый для любой науки смысл – выход в процессе объяснения за пределы самой объясняемой системы. Редукционизм в психологии широко распространен и, по всей видимости, неизбежен.

В своем выступлении А.В. Юревич показал, что психологическое объяснение, как правило, развивается в искусственно сжатом пространстве, ограниченном запретами на различные формы редукционизма: «сверху» – социального, «снизу» – биологического. Отсюда проистекают такие свойства психологического объяснения, как его «топтанье на месте» без сколь-либо существенного проникновения в суть объясняемых явлений, объяснение «подобного через подобное» (например, одних когний другими когниями), «круговой характер» (скажем, объяснение когний эмоциями, а эмоций – когниями), подчиненность преимущественно целям понимания объясняемых явлений, а не целям предсказания и контроля над ними и т.п. В результате большая часть научного сообщества воспринимает такие объяснения как неудовлетворительные, а то и вообще как ненаучные, приемлемые для быта, но не для науки, и принципиально отличные от естественно-научных объяснений. При этом любая монистическая система психологического объяснения, не выходящая за пределы его «сжатого» пространства, сковывает это объяснение,

вместо того, чтобы «разворачивать» его, выводя в новые плоскости.

По мнению А.В. Юревича, разорвать этот порочный круг можно только одним способом — разомкнув пространство психологического объяснения путем изменения отношения к редукционизму. А один из наиболее жизнеспособных методологических принципов отечественной психологии — принцип системности — может быть сформулирован в виде необходимости в психологии многоуровневых объяснений, объединяющих разные уровни причинности, ведь психика — это не просто система, а суперпозиция, т.е. взаимоналожение разноуровневых систем — феноменологической, социальной, психофизиологической и др. Соответственно, изучение суперпозиции разноуровневых видов каузальности, неизбежно предполагающее то, что в психологии принято считать редукционизмом, является одной из главных задач психологической науки.

В докладе доктора психологических наук **В.И. Кабрин** (Томск, госуниверситет) было указано, что до сих пор не достигнута достаточная релевантность психологического объяснения в связи сохранностью базовых призраков в понимании природы предмета психологии: производность от физиологического и отраженная производность от физического. Поэтому остаются необъясненными основные трансцендентные качества душевной жизни человека: первичность душевной энергии (идеомоторный акт и т.п.); латентность, сокровенность душевной информации; безразмерность и гипермерность душевного пространства; трансформативность и интенция к вечному в душевном времени. Можно ли исследовать нередуцируемые трансцендентные каче-

ства души, сохраняя при этом научность анализа? Главный методологический принцип — наличие предварительно обоснованного метода — блокирует возможность непредвзятой работы с трансцендентными качествами душевного опыта. В то же время древний принцип познания — мерить подобное подобным — остается сохранным в практической психологии, поскольку непосредственный душевный опыт человека непосредственно открывается ему и другим лишь в непосредственной коммуникации. Делая акценты на трансцендентных качествах этого опыта, проявляющихся в трансовых переживаниях — катарсисе, импринтинге, экстазе, инсайте, мы попадаем в феноменологию транскомуникации. Под транскомуникацией В. И. Кабрин понимает общение с другим как инаковым, т.е. общение, выходящее за рамки стереотипов нормативной коммуникации. В принятии транскомуникативной реальности открывается перспектива постметодологического исследования трансцендентных качеств душевного опыта. В контексте такой постметодологии трансовые переживания одного человека могут быть поняты только через подобные трансовые переживания другого человека (исследователя) как Иного.

В этом контексте, согласно В.И. Кабрину, схема исследования выглядит так: интуитивное понимание предмета исследования (душевного в ином измерении) на основе синтеза понятийно-метафорических средств в более широком семиозисе — непосредственная релевантность теории предмету исследования (аутентичная синтонность теории и предмета) — создание транскомуникативной ситуации, непосредственно релевантной теории и предмету — инициирование транскомуникативного

процесса, соответствующего ситуации, теории и предмету. Реализация этой схемы может привести к получению нередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

В докладе, представленном доктором психологических наук **А.В. Карповым** (Ярославль, госуниверситет), в качестве объяснительного принципа психологии был рассмотрен метасистемный подход. В докладе было обосновано и развито положение, согласно которому для реализации эвристического потенциала общеметодологического принципа системного подхода в психологии необходимо его существенное углубление и трансформация в качественно иную форму, более адекватную атрибутивной природе психики — в принцип метасистемного подхода. Он базируется на следующей фундаментальной закономерности организации психики: она представляет собой особый, а не исключено — и уникальный класс систем — систему со «встроенным» метасистемным уровнем. Это означает, что та метасистема (объективная реальность), в которую она исходит, онтологически включена, получает в ней своего рода «удвоенное существование» в виде субъективной реальности, оказываясь тем самым представленной в ее собственном содержании. Благодаря «встроенности» метасистемного уровня в саму систему создаются предпосылки для возникновения качественно новых механизмов организации психики. Так, открывается принципиальная возможность для объективации системой самой себя в качестве предмета организации и управления. Система — психика — оказывается в состоянии выйти за свои собственные границы и сделать саму себя предметом своих же собственных воздействий.

Наиболее четким и несомненным проявлением данной особенности является вся совокупность «рефлексивных феноменов», сознание как таковое. Благодаря метасистемному уровню (как уровню, одновременно локализованному и внутри системы, и вне ее), раскрывается фундаментальное свойство психики — свойство самоорганизации. Сказанное можно обозначить как метасистемный принцип организации психики.

Согласно А.В. Карпову, на основе установления данного принципа оказывается возможным раскрыть качественно новые закономерности и характеристики организации психики. В частности, с этих позиций выявлен принципиально новый — специфический для психики класс качеств — метасистемные качества. Они, в отличие от известных типов качеств (материальных, функциональных, системных), характеризуются новыми особенностями. Важнейшей из них является то, что они, будучи амодальными, «сверхчувственными», идеальными (как и системные качества), в то же время могут выступать не только в идеальной, но и в метаидеальной — в «сверхсознательной» форме. Эти качества, не осознаваясь актуально субъектом, реально представлены в психике, являются способом существования его знаний о мире. Существовая в имплицитной, «постсознательной» форме, они доступны обратному переводу в идеальную, то есть сознаваемую форму. Тем самым категория метасистемных качеств способствует лучшему пониманию феномена знаний как таковых.

Кандидат психологических наук **С.В. Маланов** (Йошкар-Ола, госуниверситет) в своем выступлении коснулся вопроса о структуре научных знаний

и в связи с ним — проблемы объяснений в психологии. Докладчик отметил, что существует два источника получения описательных знаний о психических явлениях: а) регистрация субъективно-описательных знаний — феноменов; б) фиксирование различных параметров поведения и действий в качестве объективно-описательных знаний — фактов. В психологии, как правило, факты и феномены предполагают последующее объяснение, но не противопоставляются друг другу. При этом в психологии: а) существует множество дополнительных и альтернативных теорий, объясняющих психические явления; б) наряду с научными теориями, часто используются мистические и мифологические объяснительные основания.

Как далее указал С.В. Маланов, научные теории строятся на основе выдвижения объяснительных гипотез, которые в последующем либо подтверждаются, либо опровергаются в эмпирических исследованиях. Выделяется четыре основных типа построения теорий: атрибутивные составно-структурные, функциональные и генетические. Генетические объяснения в психологии имеют наибольшую объяснительную силу, поскольку психические явления существуют как постоянно развивающиеся процессы и функции. По мнению докладчика, в психологии используется два типа объяснений: а) номологические объяснения (причинно-следственные); б) телеологические объяснения, строящиеся от указания на цели и способы их достижения к указанию способов организации необходимых для этого условий в настоящем. При построении телеологических объяснений предполагается наличие у субъекта механизмов целеполагания при абстрагировании от вопроса:

как у субъекта возникают механизмы подчинения собственной активности целям, отнесенным в будущее? Поэтому при объяснении психических явлений следует разводить два типа вопросов: а) какие причины лежат в основе формирования и развития психологических механизмов организации и регуляции поведения и деятельности? Как формируются такие механизмы; б) как имеющиеся у субъекта психологические механизмы детерминируют и направляют поведение и деятельность на достижение различных целей и мотивов? В заключение С.В. Маланов сделал вывод: ориентировка в содержании психологических знаний в научной и учебной литературе, предполагает: а) достаточно строгое указание явлений, которые могут регистрироваться в форме феноменов и фактов; б) формулировку основных гипотез, теоретических моделей, которые заложены в основу научных теорий в данной предметной области; в) наличие образцов построения объяснений и выведения следствий.

Доктор психологических наук **И.В. Вачков** (Москва, МГППУ) в своем сообщении затронул проблему метафоры в объяснении, понимании и интерпретации. Доклад был посвящен разнообразным психологическим аспектам использования метафоры в текстах и устной речи. В нем с методологических позиций субъектного подхода рассматривалась роль метафоры в процессе понимания, интерпретации и объяснения смысловых содержаний высказываний. Анализируя соотношение указанных категорий, автор обратился к существующим в науке подходам А.А. Брудного, Э.В. Ильенкова, А.А. Потемни, С.Л. Рубинштейна, К.Г. Юнга. При этом докладчик указал, что наиболее перспективным представляется использование

рубинштейновской концепции имплицитного и эксплицитного. Опираясь на авторскую трактовку понятия «субъект», И.В. Вачков описал многосторонние функции метафоры, важнейшей из которых выступает раскрытие человеком внутреннего субъектного мира. В докладе доказывалось, что глубина осмысления, нестандартность трактовок метафор свидетельствуют не только об уровне интеллектуального развития субъекта, но и о многогранности его внутреннего мира, его ценностно-смысловом отношении к действительности и к себе.

По мнению И.В. Вачкова, интерпретация метафоры представляет собой сложное сочетание когнитивного и оценочно-смыслового процессов, имеющее ярко выраженный индивидуально-специфический характер. Выделяются разнообразнейшие способы понимания и интерпретирования метафор в зависимости от индивидуальных свойств субъекта. Метафора как способ обозначения одного через другое, переноса свойств одних предметов на другие является продуктом характерного для созерцания способа фиксации человеком своей особой субъективной реальности. В сообщении была высказана мысль о значении метафоры во взаимодействии людей не только как одного из языковых тропов, украшающего высказывание, но как фактически универсального способа самовыражения субъекта посредством понимания, интерпретации и объяснения открывшихся ему метафорических смыслов.

В докладе доктора психологических наук **В.А. Мазилова** (Ярославль, ЯГПУ) «Проблема объяснения в психологии» был предпринят анализ основных подходов к проблеме объяснения в научной психологии. Было показано, что объяснение является одной

из важнейших функций и ценностей в психологической науке. В докладе акцентирована позиция, согласно которой в психологии существует множество видов объяснения, поэтому недопустимо сводить все объяснение к какому-то одному виду (например, причинно-следственному). На основе предпринятого историко-методологического анализа были выделены основные парадигмы объяснения в психологии, сложившиеся в истории психологической науки. Утверждалось, что наибольшим препятствием для разработки проблемы объяснения в психологии в настоящее время является принцип психофизиологического параллелизма, разделяемый большинством психологов. Показано, что многие исследователи, отрицающие этот принцип, фактически в своей работе опираются именно на него. В докладе специальному обсуждению подверглась проблема редукции в психологии. Не отрицая полезности принципа редукции в целом, В.А. Мазилев утверждал, что редукционистские объяснения очень часто являются псевдообъяснениями. Автором был предложен подход, развивающий известное положение Э. Шпрангера «psychologica – psychological» – требования объяснять психическое через психическое.

В.А. Мазилевым был также предложен новый подход к проблеме методологии. На повестку дня выдвигается задача разработки интегративной методологии психологии. По мнению выступающего, обнаружилось, что разработка отдельных вопросов методологии (даже таких воистину судьбоносных для психологии, как проблема предмета, метода, объяснения и т.д.), взятых сами по себе, не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Это

приводит к выводу, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что ставит на повестку дня разработку интегративной методологии. Под интегративной методологией автором понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Прогресс в разработке тех или иных методологических вопросов приводит к необходимости возвращения на новом уровне к новому анализу уже обсуждавшихся вопросов. Это предполагает наличие некоторой общей модели, которую предлагается называть интегративной методологией (или концепцией общей методологии психологии). Интегративная методология предполагает построение общей методологической концепции, в которую должны быть включены методологические концепции предмета психологии, ее метода, психологической теории, объяснения и т.д. В докладе предлагалась первоначальная модель интегративной методологии, ядром которой послужила предложенная автором ранее схема соотношения теории и метода в психологии. Поскольку эта схема представляет собой структурный инвариант, она позволяет включить рассмотрение основных методологических понятий в единое концептуальное пространство. Как представляется докладчику, использование такой схемы позволяет по-новому рассмотреть проблему объяснения в психологии за счет выявления типов отношения между базовой и объясняющей категориями, проследить

эволюцию типов объяснения в психологической науке.

С докладом на тему «Роль системного моделирования в объяснении» выступил кандидат психологических наук **В.П. Яшин** (Нижний Новгород, НКИ), в котором он обосновал значение модели в научном объяснении, исходя из принципов системного подхода. Любые научные представления связываются с понятиями, которые включены в какую-то логическую или формальную схему объяснения. Если схема понимания отсутствует, то и понятия нет. В качестве базовой схемы объяснения В.П. Яшин использовал крест на стреле времени, который в скрытом виде содержит в себе принцип дополненности, введенный Н. Бором в физике. Понятие дополненности должно было иметь общеметодологическое значение для всей науки, но этого до сих пор не произошло. Сущность принципа дополненности состоит в том, что мы не можем одновременно и одними методами изучать противоположности — разные стороны одной картины мира, а в нашем случае — объяснения в психологии. Системный подход подразумевает рассмотрение любых проблем как минимум из пяти точек: с точки зрения целого, состава, структуры, цели и темпа-ритма или истории проблемы. К этому надо добавить обязательный учет состояния окружающей среды (ситуации) как надсистемы.

Такой подход, с точки зрения В.П. Яшина, обеспечивает полный анализ и дает возможность предусмотреть варианты развития проблемы и прогнозировать возможное поведение основных участников взаимодействия. При этом (здесь автор ссылается на В.Д. Ермака) следует помнить, что в реальной жизни в окружающем нас мире

ни моделей, ни систем, которые тоже являются моделями, нет. Там — просто жизнь, сложные и простые объекты, сложные и несложные процессы и взаимодействия, часто непонятные, иногда неосознаваемые и не замечаемые нами. Поэтому употребляемый иногда термин «реальные системы» — не более чем отражение того, что речь идет о моделировании какой-то интересной исследователю части реального мира. Отсюда модель — это некоторый «заместитель» объекта исследования, отражающий в приемлемом для целей исследования виде все наиболее важные параметры и связи изучаемого объекта. А саму систему можно считать моделью взаимодействия моделей состава, структуры и целей-образов.

Доктор психологических наук **В.А. Янчук** (Минск, АПО) выступил с докладом «Постмодернистский культурно-детерминированный диалогизм в психологическом объяснении». Произведя историко-философский экскурс в проблемную область объяснения, автор обосновал полезность привлечения к ее анализу понятия «культурно-научная традиция». Докладчик акцентировал внимание на двух альтернативных направлениях — реалистическом и эпистемическом (антиреалистическом), относящихся к модернистской и постмодернистской перспективам, и определил актуальность проблемы объяснения естественной необходимостью упорядочивания поточности и пространственно-временной континуальности психологической феноменологии с целью определения в ней. Применительно к психологическому знанию это упорядочивание изначально приобретает каузальный или причинно-следственный характер в контексте модернистского универсализма, ориентированного на

открытие объективных законов сущего. Полагание на позитивистскую методологию в психологическом познании неизбежно приводит к необходимости нахождения причинно-следственных связей, позволяющих, во-первых, получать «объективные» основания для прогнозирования поведения, и, во-вторых, рациональные объяснения универсального свойства, основывающиеся на идее принципиальной возможности доступа к изучаемой реальности. Критика данного подхода исходит из обоснования невозможности непосредственного доступа к психической реальности, а, следовательно, ее потенциальной многотрактуемости, что становится характерным и для постнеклассической науки в целом, констатирующей опосредованный характер научного познания в целом. Отсюда характерная для постмодернизма популярность идей онтологического плюрализма, конвенциональности, культурной конструируемости и т.п.

Эта многоголосость психологического объяснения, согласно В.А. Янчуку, таит в себе опасность релятивизма со свойственной ему неопределенностью в психологическом познании. Она стимулирует нахождение путей «определения» или упорядочивания психологического знания, достигаемого посредством диалога, дающего возможность нахождения согласованных, консенсуальных объяснений конвенционального свойства. В этом контексте особенно актуальной становится идея полифоничности диалога М. Бахтина, предлагающего механизмы согласования знания в условиях многоголосия. Идея конвенциональности психологического знания резонирует с идеями его культурной конструируемости или детерминации. Так как отличительной

особенностью человека является преобладающая роль символической природы, предоставляющей ему неизмеримую степень свободы во взаимодействии с внешним миром, а также экзистенциальное бытие-в-мире, то особую актуальность для психологического познания представляет ее культурно-детерминируемое рационально-иррационально-экзистенциальное содержание. Обозначенный трехмерный континуум и должен задавать рамки психологического объяснения, предполагающего нахождение согласований, предоставляющих относительную определенность (упорядоченность) в само- и мироотношении. Возможность нахождения такого рода согласованных объяснений предлагает авторский интегративно-эkleктический подход, опирающийся на соответствующие механизмы: парадигмальное позиционирование, диалог альтернативных традиций и критическое рефлексивное позиционирование.

Кандидат психологических наук **А.Г. Лидерс** (Москва, МГУ), продолжая вслед за А.В. Юревичем и В.А. Мазилковым тему редукционизма, рассмотрел проблему психологического объяснения на конкретном материале возрастной психологии и представил к обсуждению доклад на тему «Виды редукционизма в подходах к периодизации психического онтогенеза человека». Автор сконцентрировался на анализе конституирующей предмет возрастной психологии процедуры периодизации психического онтогенеза человека. Периодизация как конституирующая процедура подразумевает два особым образом соотносимых ряда описаний психического развития: а) эмпирического описания, в виде, с одной стороны, смены феноменов, а, с другой сто-

роны, как описание процесса смены значений некоторых психологических параметров и б) модельного описания с акцентом на задание некоторой закономерности зафиксированных ранее эмпирических параметров развития. Но закономерность ни в коем случае не ищется эмпирически! Она всегда привносится извне, не являясь эмпирическим обобщением этой области, а являясь, скорее, «проверяемым» в новой области обобщением (эмпирическим или даже конструктивным, т.е. индуктивным или даже дедуктивным) из другой предметной области.

А.Г. Лидерсом были проанализированы многочисленные редукционистские подходы к заданию таких законов периодизации психического онтогенеза. Всего автор доклада насчитал не менее восьми таких подходов. По мнению докладчика, даже самые, казалось бы, «далекие» от предмета психологии редукционистские схематизации периодизации психического онтогенеза (например, приложение к психологическому онтогенезу формальной и «всеобщей» математической формулы, предложенной отечественными математиками из Дальневосточного отделения РАН для описания любого процесса развития и позволяющей путем подстановки в нее параметров двух точек развития вывести все остальные «перегибные» точки процесса развития) могут быть плодотворны для возрастной психологии, хотя он и присоединяется к точке зрения Д.Б. Эльконина, который, как известно, искал собственно психологические и общие «законы» периодизации онтогенеза. Докладчиком был сделан вывод, что частные редукционистские схемы преодолеваются в современной возрастной психологии за счет уточнения границ рассматриваемой

предметной области, но сам принцип редукционизма в построении нового психологического знания имеет как отрицательные, так и положительные следствия и заслуживает большего внимания в методологии как общей, так и возрастной психологии.

В докладе доктора психологических наук **В.В. Козлова** (Ярославль, госуниверситет) был поднят вопрос о базовых схемах объяснения, обусловленных основными парадигмами в психологии. Автор вычленяет пять таких парадигм: физиологическая, психоаналитическая, бихевиористическая, экзистенциально-гуманистическая, трансперсональная. Согласно этому существуют пять способов психологического объяснения. Все они являются универсальными способами проблематизации предмета психологии в профессиональном сознании психолога, способами втягивания в мир научной концептуализации психической реальности как невмещающейся в научное понятие, как непонятой. Эта непонятость создает предпосылку для порождения сложнейших теоретических построений как бы знания (незнания). В эпистемологическом отношении все пять способов объяснения являются попыткой рефлексии некоторой территории психического как разумно охваченной непонятности. И «нечаянная радость» знания существует как проблематизация и создание теоретической модели «понимания» в тумане искусственной категориальной системы той или иной парадигмы психологии. Но когда туман рассеивается — мы видим ту же территорию непонятности, с грустью открыв единственный научный факт, что туман не касался реального ландшафта.

Согласно докладчику, каждая из отмеченных исследовательских пара-

дигм имеет свои границы, преимущества и недостатки. Но, несмотря на элементаризм и атомизм, характеризующий большинство из отмеченных подходов, психология всегда находилась в условиях выбора: притязать на целостность или отказаться от нее. Возможно, это удастся психологии, если она интегрирует накопленный опыт и если у психологов не исчезнет вовсе тоска по утраченной целостности своей науки. По мнению В.В. Козлова, интегративная парадигма психологии, вбирающая в себя односторонние объяснительные подходы и синтезирующая их, представляет собой попытку построить новую объяснительную модель психологии того уровня целостности, которая повысит ее ценностное и смысловое измерение. Целостное объяснение подразумевает понимание личности и социальных сообществ как чрезвычайно сложных, открытых, многоуровневых, самоорганизующихся систем, обладающих способностью поддерживать себя в состоянии динамического равновесия и производить новые структуры и новые формы организации.

Согласно В.В. Козлову, в самом широком смысле предметом интегративной психологии является процесс самораскрытия, самодвижения, саморазвития, самораспаковывания индивидуального свободного сознания в континууме времени-пространства. И целостное, интегративное объяснение необходимо для реализации следующих целей: а) формирования теоретических моделей той глубины, которая соотносима с бытием человека в мире, которое всегда имеет всецелокупный характер; б) построения перспективных проектов трансформации, развития личности и социальных сообществ, опираясь на внутренние ресурсы личности и

группы; в) адекватного психотехнологизирования взаимодействия с клиентом и группой в процессе психопрактической работы.

Доктор психологических наук **В.Е. Ключко** (Томск, госуниверситет) обратился к проблеме объяснения в контексте постнеклассической науки. Докладчик отметил рост полипарадигмальных настроений в современной психологии, что уменьшает возможности взаимопонимания представителей различных школ и направлений. В то же время современное состояние психологии с позиции постнеклассической рациональности имеет и позитивное содержание. Постнеклассическая наука делает своим предметом сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) «человекоразмерные» (В.С. Степин) системы. В связи с этим науку надлежит рассматривать как открытую саморазвивающуюся систему, на которую распространяются законы самоорганизации. В.Е. Ключко считает принципиальным то, что эти законы нельзя непосредственно перенести в эпистемологию или психологию из теории диссипативных систем или из синергетики, не впадая в грех синергетического редукционизма. За понятийным аппаратом синергетики стоят реалии, адекватные низшим уровням системной организации материи. Однако эти низшие уровни уже содержат в себе ростки тех форм самоорганизации, с которыми сталкиваются исследователи человекоразмерных систем. Получается, что сегодня, скорее, синергетика заинтересована в том знании, которым владеют науки, изначально имеющие своим предметом человекоразмерные системы (эпистемология и психология в том числе). Это означает, что наступает эпоха, когда не психология будет

ориентироваться на так называемые «развитые» науки, считая для себя нормой-образцом физику, биологию и т.д., а они будут с надеждой смотреть на психологию, в которой зачатки того, с чем они сталкиваются, выступают в своей зрелой, развернутой форме. Постнеклассические объяснения противопоставляют редукции элевацию (термин А. Назаретяна). Элевационизм сравнительно простые процессы рассматривает через призму их эволюционных перспектив, а потому элевационный метод, дополняя классические методы редукции, составляет один из аспектов антропоцентризма постнеклассической науки.

Согласно В.Е. Ключко, элевационный подход является составной частью того мышления, которое необходимо для исследования закономерностей движения (становления) открытых саморазвивающихся систем. Такое мышление было названо автором трансспективным анализом. Подобный анализ направлен не на описание и объяснение ставшего, а исследование механизмов становления открытой системы, приводящих к закономерному усложнению ее системной организации в процессе избирательного взаимодействия со средой. Сегодня вопрос ставится так: у человека такая психика, которая позволяет ему выполнять свою человеческую миссию. Наука сейчас испробует все возможности обнаружить искомое знание о миссии человека в окружающей ее среде, каковой в широком смысле является культура. Позитивные метафоры придут не снизу — как результат решения научных «головоломок», большинство из которых являются результатом неправильно поставленных проблем, а сверху — от того, что ныне считается философствованием,

мистикой, эзотеризмом, теологизмом, телеологизмом и т.д. В психологии уже проявляются попытки слабых и сильных антропных объяснений, аналогично тому, как они возникли в философии и космологии.

В докладе, представленном кандидатом психологических наук **И.Н. Карицким** (Москва, ГУУ) были исследованы некоторые эпистемологические и методологические основания психологических объяснений. Всякому объяснению в какой-либо области предпослана целая система представлений. В самом общем смысле она включает в себя, по крайней мере, онтологию, эпистемологию и логику, отнесенные к этой области. Эти онтология, гносеология и логика не являются сами по себе простыми структурами, они представляют собой систему встроенных друг в друга разноуровневых онтологий, эпистемологий и логик. То есть в реальности выделена некоторая предметная область, соотношенная с определенной наукой, объекты этой области и связи между ними получают отражение и описание в теориях разного уровня, и объяснение заключается в отнесении некоторого феномена либо к той или иной известной теории, либо в построении новой теории, которая бы увязывала этот феномен, его свойства и связи в некоторую рациональную систему.

По мнению И.Н. Карицкого, всякая феноменология не существует независимо от субъекта, его способностей восприятия, наблюдения, мышления, представлений о реальности. Таким образом, всякая феноменология уже дана в системе каких-то категорий. Другое дело, что она может хорошо вписываться в эту систему, удовлетворительно соотноситься с ней или быть с ней несогласованной. В последнем случае требу-

ется построение новой теории. Но, по большому счету, ни одна феноменология не находит полной репрезентации в какой-либо теоретической конструкции, это всегда феноменология, очищенная от лишнего, феноменология данной теории, подведенная под данную теорию, в ней осталось только то, что принято за существенное в этой теории. Таким образом, феноменология и теория имеют тонкие взаимосвязи и взаимозависимости: есть теория, которая объясняет данную феноменологию, и есть феноменология, которая наблюдается (выделяется) в рамках данной теории. Как только мы смотрим на реальность сквозь призму другой теории, феноменология тоже становится другой, и как только мы начинаем выделять в наблюдаемых явлениях новое содержание, требуется либо изменение, расширение старой теории, либо создание новой.

Как отметил И.Н. Карицкий, в целом объяснение есть помещение объясняемого в некоторую рациональную систему, будь то закон, причинно-следственная схема или что-то еще. Но важно, чтобы эта система отвечала критерию соответствия реальности, была убедительна для объясняющего, считалась (была) истинной. Самой общей объяснительной схемой является взаимозависимость, система, состоящая из двух (или более) взаимозависимых элементов, в которой, по известной закономерности, происходит изменение одного (одних) элемента в зависимости от изменения другого (других). Сюда попадают и классические естественнонаучные объяснения, и исторические, социологические, психологические. В предельном случае даже иррациональное объяснение имеет некоторый признак рациональности. Но действительной

объяснительной схемой являются только определенным образом ограниченные теоретические системы, системы, которые допускают одни явления и считают невозможными другие.

В докладе доктора психологических наук **М.М. Кашапова** (Ярославль, госуниверситет) «Роль творческого мышления психолога в объяснении» были раскрыты структурно-функциональные характеристики профессионального мышления, благодаря которым опытный психолог видит в одних и тех же полученных результатах во много раз больше и глубже, чем начинающий. В структуру профессионального опыта психолога входят не только знания, умения и навыки, но и интеллектуальные способности, характеризующиеся творческим подходом к объяснению установленных феноменов. Поскольку исследователь никогда заранее не знает, что он может получить, он выдвигает разнообразные гипотезы, и поэтому открытие нового, ранее неизвестного в психологии факта, требует актуализации творческого потенциала исследователя. В выступлении М.М. Кашапова был дан развернутый ответ на вопросы: какими качествами творческого мышления должен обладать психолог-исследователь, каким образом можно их формировать в целях повышения эффективности проводимых интерпретаций и объяснений?

По мнению докладчика, важно обучать не самим качествам творческого мышления, а формировать способы конструирования этих качеств самими обучаемыми. Если психолог обладает такими способами, то он может легко овладеть и теми качествами, которые образуют основу его профессиональной компетентности в области интерпретации. Главным вектором в творче-

ской работе такого профессионала является овладение технологией самосовершенствования: конструированием собственных способов творческого мышления. Основным инструментом профессионального роста является рефлексия процесса и результата выполняемой деятельности — установление проблемности (в том числе и надситуативной), формулирование проблемы, поиск и реализация творческого ее решения. Протекание процесса профессионального мышления было рассмотрено М.М. Кашаповым на двух уровнях: ситуативном и надситуативном. Структура творческого мышления профессионала включает в себя следующие компоненты: мотивационно-целевой, функциональный, процессуальный, содержательный, операционный, рефлексивный. Автором были выделены две основные функции такого мышления: диагностическая и преобразовательная. Было обосновано, что владение обобщенными принципами творческого мышления дает возможность психологу увидеть профессиональную деятельность в целом, понять логику и закономерности ее протекания. Механизм перехода с ситуативного уровня мышления на надситуативный позволяет профессионалу в более полной мере актуализировать собственный творческий потенциал. Учет данного механизма способствует успешному формированию приемов надситуативного мышления как психологической основы творческого профессионального мышления.

Кандидат психологических наук **О.В. Курышева** (Волгоград, госуниверситет) и кандидат педагогических наук **А.Ю. Чернов** (Волгоград, госуниверситет) представили совместный доклад на тему «Специфика объяснения в различных парадигмальных координатах».

В докладе было отмечено, что роль, место и функции объяснения в науке связаны с методологической позицией исследователя. Наиболее широким объектом психологической исследовательской деятельности выступает «практика жизни». Введение феноменов «практики жизни» в научный контекст требует перевода житейских понятий на язык теории, т.е. их объяснения. К пониманию сущности объяснения в психологии можно подойти с различных сторон. В том числе имеет право на существование точка зрения, согласно которой термины «объяснение» и «теория» синонимичны. Поэтому переформулировка житейских понятий в научные имплицитно или эксплицитно сопряжена с выбором способа объяснения или с выбором теории. Другими словами, объяснение или теория сама по себе задает объект исследования. Эта же логика сохраняется и на уровне вычленения предмета из объекта. Однако, если мы идем этим путем, мы не создаем теории, а вынуждены выбирать из уже известных. По сути, все уже объяснено. Объяснение или теория предшествует исследовательскому процессу. Поэтому, когда мы получаем исследовательские данные, мы интерпретируем их и превращаем в результаты, уже заданные в теории. Все это происходит, когда методологический уровень исследования задан позитивистской парадигмой.

Но, по мнению О.В. Курьшевой и А.Ю. Чернова, может быть другой путь, другая логика исследования. Он связан с тем, что исследовательский процесс сосредоточен, прежде всего, вокруг всестороннего сбора сведений об интересующем нас феномене практики жизни. Исследование тогда начинается не с вычленения объекта и предмета, а с феноменологического описания. Важ-

ное место в этом процессе приобретают качественные методы исследования. Предварительное всестороннее феноменологическое описание позволяет не опираться на уже известные теории, а быть свободным в их создании. Процесс такого рода объяснения предполагает решение онтологических и эпистемологических задач. То есть, с одной стороны, исследователь с необходимостью должен решить, имеет ли он дело с объективной реальностью, релевантной природной реальности, или реальность имеет другое содержание — например, дискурсивное. Изменяется ли под влиянием исследователя феномен или он не зависим от исследовательского процесса, существует ли он только в исследовательском процессе или существует объективно. Такая логика характерна для постпозитивистской (постмодернистской) научной парадигмы.

Согласно О.В. Курьшевой и А.Ю. Чернову, проблема аксиологического исследовательского выбора существует имплицитно. Этот выбор, по сути, детерминирует способ объяснения (теоретизирования). В зависимости от выбранного способа объяснение выглядит и функционирует по-разному. В случае выбора модернистской парадигмы объяснение представляет результат научного исследования и приобретает черты правилосообразности, универсальности, одномерности, целостности, завершенности. По сути, объяснить — это свести все к одному основанию — свести все в точку. В логике постпозитивизма объяснение не может быть результатом. Это процесс, рождающий свое продолжение, который проявлен многомерностью, отсутствием стандартов и норм, описывающий явление во всем его многообразии.

Кроме того, на семинаре были обсуждены доклады, присланные для заочной дискуссии. Среди них: В.А. Барбаншиков «Детерминация перцептивного процесса (к вопросу об объяснении феноменов восприятия)» (г. Москва); А.Н. Ждан «Проблема объяснения в психологии: исторический аспект» (г. Москва); Г.В. Залевский «Объяснение и понимание против “циклопной психологии”» (г. Томск); В.П. Зинченко «Психологические аспекты влияния искусства на человека (опыт понимания)» (г. Москва); М.Д. Купарашвили «Специфика понимания в западно-европейской и русской мысли» (г. Омск); И.А. Мироненко «Каким должно быть объяснение в психологии?» (г. Санкт-Петербург); А.Л. Никифоров «Проблема объяснения в гуманитарных науках» (г. Москва); А.А. Печенкин «Объяснение как проблема философии науки XX века» (г. Москва); А.А. Пископпель «Объяснение и понимание в диалоге “объяснительной” и “описательной” психологий» (г. Москва); В.Н. Порус «Как объяснять? Знак развилки на пути психологии» (г. Москва); Г.А. Суворова «О деятельности как объяснительном принципе в отечественной психологии» (г. Москва); А.Г. Чеснокова «Объяснительные категории в психологии» (г. Москва); В.Д. Шадриков «К пониманию профессиональных компетенций» (г. Москва).

Активное участие в работе семинара также приняли М.М. Анисимова (г. Нижний Новгород), И.В. Антоненко (г. Москва), Н.З. Бикмухаметова (г. Альметьевск), Т.А. Богданова (г. Челябинск), А.А. Бори-

сова (г. Ярославль), Э.В. Галажинский (г. Томск), А.Н. Грязнов (г. Казань), И.В. Демчук (г. Ярославль), А.А. Драгомирецкий (г. Прага, Чехия), Р.П. Ефимкина (г. Новосибирск), М.Н. Заостровцева (г. Коряжма), А.С. Захаревич (г. Санкт-Петербург), А.А. Калужный (г. Актобе, Казахстан), А.К. Карпова (г. Рига, Латвия), Н.В. Ключева (г. Ярославль), Т.В. Корнева (г. Санкт-Петербург), Е.В. Левченко (г. Пермь), К.Э. Мартинсоне (г. Рига, Латвия), А.В. Морозов (г. Москва), В.В. Новиков (г. Ярославль), Т.Н. Овчинникова (г. Москва), Н.В. Перещейна (г. Киров), С.В. Петрушин (г. Казань), М.Г. Рогов (г. Казань), М.В. Скворцова (г. Тольятти), Д.Н. Ускова (г. Пермь), Д.В. Ушаков (г. Москва), Н.П. Фетискин (г. Кострома), И.С. Шемет (г. Кострома), Е.Ф. Яценко (г. Челябинск) и другие специалисты.

Очередной 5-й Ярославский методологический семинар будет посвящен теме «Система категорий психологии» и состоится 25–29 апреля 2007 г. В намеченной перспективе на Ярославском методологическом семинаре будут обсуждаться темы: категория психического (2008 г.); сознание и бессознательное (2009 г.); психологическая наука и психологическая практика (2010 г.); система психологических наук (2011 г.); направления и школы в психологии (2012 г.); процессы дифференциации и интеграции в психологии (2013 г.); закон в психологии (2014 г.).

И.Н. Карицкий
В.В. Козлов
В.А. Мазиллов